

Разысканный рассказ

К 100-летию со дня рождения Гайто Газданова

Гайто Газданов родился в 1903 году в Санкт-Петербурге, юность провел в Харькове, откуда ушел на Гражданскую войну. Большую часть жизни провел в Париже, написал 9 романов, 40 рассказов, принимал во время Второй мировой войны участие в Сопротивлении в составе группы «Русский патриот». В 1945 году написал повесть о подвигах советских партизан во Франции. С середины 1950-х вел передачу на Радио «Свобода» под псевдонимом Черкасов. Умер в 1971 году, в Мюнхене. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа в пригороде Парижа. Творчество его только в последние годы нашло путь на родину, в Россию. Предлагаемая публикация – дань памяти писателю и подарок всем любителям творчества Газданова. Рассказ публикуется впервые в России.

Георгий Азатов

В 1930 г., в возрасте 27 лет, Гайто Газданов составил план своего «Полного собрания сочинений». Второй том должен был включать его самые ранние рассказы; среди них значится «Шпион». Ласло Диенеш, опубликовавший эти сведения в своей книге о Газданове, по поводу этого (и другого неразысканного газдановского рассказа, «Кладбище зарытых собак») пишет: «В этом списке только два последних названия были нам прежде неизвестны. «Шпион», также очень короткий рассказ, скорее всего скрыт от нас в одной из эмигрантских газет или ее воскресном приложении» (Л.Диенеш. «Гайто Газданов. Жизнь и творчество». Владикавказ, 1995, с. 120).

Рассказ отыскался в парижском журнале «Звено», № 221, 24 апр. 1927 г., среди рассказов, при- сланных на литературный конкурс. По условиям конкурса он опубликован анонимно и под девизом – «Англичане называют их stormy petrel». В итоге среди 11 номинированных рассказов «Шпион» занял 10-е место, собрав 6 голосов. А победил рассказ Б.Тимирязева (Ю.П. Анненкова) «Любовь Сеньки Пупсика».

Из материалов редакции «Звена», хранящихся в РГАЛИ, устанавливается, что «Шпион» поступил в редакцию 11.02.1927 (РГАЛИ, ф. 2475, опись 1, дело 8, л. 3). В журнальной таблице он получил три «плюса» (Мочульский, Бахтин, Адамович), один знак вопроса (Кантор) и один «минус» (Лозинский) (Там же, л. 7). Рассказ был квалифицирован как произведение дилетанта (Там же, л. 12); вообще из всех опубликованных конкурсных рассказов только два были признаны редколлегией произведениями профессиональных литераторов – уже упоминавшаяся «Любовь Сеньки Пупсика» и «У моря» Ивана Савина.

Необходимо сказать, что «Шпион» не был первым рассказом, присланным Газдановым на литературный конкурс «Звена». Еще в 1925 г. он послал на первый конкурс, объявленный тогда еще газетой «Звено», рассказ под названием «Аскет» (ср. С.Р. Федякин «Неразгаданный Газданов», «EX-libris НГ», 1998, № 47). Рассказ напечатан не был; среди неопубликованных рассказов в фонде «Звена» в РГАЛИ его нет, но кое-какие следы остались. «Аскет» поступил на конкурс под девизом «A l'improviste» (то есть неожиданно). В журнальной таблице он значится под номером 54 и имеет три «плюса» (Винавер, Кантор, Мочульский), один знак «сомнительно» (Адамович) и один «минус» (опять же – Лозинский); против названия рукою написано «сомнит.» (РГАЛИ, ф. 2475, о. 1, д. 4, л. 7.28). 6 апреля 1925 г. в 114 № «Звена» «Аскет» значится в списке из 171 сочинения, присланного на конкурс.

Подводя итоги первого конкурса, редакция обращалась к участникам: «Редакция решила, как уже сообщалось, обратиться к вам с просьбой разрешить вскрыть их

Гайто Газданов: Париж, 1928 г. И он же в 1950-х.

конверты – для того, чтобы вступиться с ними в переписку по поводу литературного сотрудничества... Редакция просит потому авторов рассказов с девизами (далее перечисляются девизы, в т.ч. «A l'improviste») – сообщить редакции, разрешают ли они вскрыть их конверты». («Звено», № 129, 20 июля 1925). Судя по всему, Газданов откликнулся на это предложение, так как по материалам дела видно, что его конверт вскрыт (Там же, д. 5, л. 33, 36. Здесь же написанной рукой Газданова его адрес: 3, rue Desaugiers (Paris) (16c). Алдрес Газданова в 1927 г. – 4 rue Princessee, Paris (VI) – л.16). Кроме того, незадолго до смерти в 1971 г. в интервью Газданов говорил, что в 1926–1927 гг. посещал литературные вечера при журнале «Звено». Что касается рассказа «Аскет», то, надо полагать, – это «Смерть пингвина», третья новелла из «Рассказов о свободном времени», там один из персонажей носит прозвище Аскет. Косвенно это подтверждается девизом ко второму его рассказу на конкурс «Звена». Stormy petrel – значит «буревестник», как был в отличие от «бескрылого» пингвина, фигурирующего в первом рассказе, должен был принести рассказу «Шпион» удачу в конкурсе.

Из известных нам произведений Газданова только два, «Гостиница грядущего» и «Рассказы о свободном времени», появились в печати раньше, чем «Шпион». В этом значение рассказа, позволяющего полнее представить картину первых шагов писателя на литературном поприще. Но что интересно и что делает рассказ важным для изучения творчества (и, может быть, жизни) Газданова в целом, это то, что рассказ этот содержит зерно замысла такого крупного произведения Газданова, как роман «Призрак Александра Вольфа» (1947). Происшествие, составляющее мучительное воспоминание рассказчика, от лица которого ведется повествование в романе, чрезвычайно напоминает начало рассказа. «Поднявшись на ноги, я обернулся и увидел, что не очень далеко за мной тяжелым и медленным, как мне показалось, карьером ехал всадник на огромном белом коне»,

(«Призрак Александра Вольфа»). Разнятся детали (масть лошади), но остается неизменной, к примеру, такая важная вещь, как модель оружия – параллелум. Это наводит на мысль, что в основе этого эпизода лежит реальное воспоминание времен Гражданской войны. Не то чтобы Газданов кого-то убил или в кого-то стрелял (хотя это, конечно, допустить, если человек воевал), но, может быть, просто неожиданная встреча, уже в эмиграции, с кем-то, кого он помнил головорезом на войне, в мирной жизни превратившимся в обывателя, подобно партизанскому атаману, зарабатывающему ремеслом слесаря в «Большом музыканте». Но вот каким его рисует память рассказчика: «...вспомнил – маленький город южной России и его, атамана; он ехал по улице на громадной, тяжелой лошади...» И тут же следует описание субъекта, встреченного в притоне, со шрамом на лице (как у Роберта, переквалифицировавшегося в поповые). Впрочем, все-таки существенным моментом является то, что герой рассказа стреляет в «шпиона». Тема убийства или покушения на тайного агента варьруется в ранних рассказах Газданова: убийство тайного агента полиции («Общество восьмерки лик»), покушение на французского агента («Мэтр Рай») – с последующим раскаянием, изменяющим всю жизнь персонажа... Если какая-то темная история, связанная с агентом, и была в юности Газданова, трудно сказать, как это происходило в действительности; примерно так, как это представлено в «Обществе восьмерки лик» (и, быть может, в «Воспоминании»), как в «Мэтр Рай», или ближе к версии публикуемого рассказа и романа «Призрак Александра Вольфа»? Даже то, что Газданов спустя много лет воспроизводит в романе очень точно ситуацию, описанную в одном из первых его литературных опытов, еще не есть решающий аргумент в пользу последнего предположения. Газданов, похоже, принимаясь за роман, разыскал этот маленький рассказик: уж очень много совпадает деталей. В романе есть мулатки, рассказчик употребляет выражение «темное и пустое пространство» (из монолога Роберта), бомба, взорванная Робертом, превращается в разбитую вазу, не говоря уж о том,

что Вольф – непременно английский писатель... Александр Вольф в романе Газданова – никак не шпион, но, похоже, и ему «по наследству» передалось что-то от шпиона. Как это можно показать? В романе рассказывается, что Вольф отбил у своего боевого товарища, Вознесенского, цыганку Марину. Странное для шпианки имя – Марина, – видимо, дано не без намека на Цветаеву, автора «Цыганской свадьбы». Сборник «Версты», куда входит это стихотворение, имеет эпиграф:

«В их телегах походных зари Марину, Марину... Стихи моей дочери»

В самой «Цыганской свадьбе» есть строка: «Кто-то завыл как волк» (то есть уже возможна ассоциация с Вольфом). Из того немногочисленного, что нам известно из воспоминаний и журнальных отчетов в «Воле России» о встречах Газданова и Марины Цветаевой на литературных собраниях «Кочевья», можно сделать вывод, что их отношения были напряженными, по крайней мере со стороны Цветаевой. Ее муж, Сергей Эфрон, имел репутацию большевистского агента. Когда писался роман, он уже давно вернулся в СССР и был расстрелян, но имел ли репутацию «шпиона» уже в 1927 г.?

В рассказе «Шпион» фигурирует пляшущая в кафе сербка; если вдуматься, это похоже на какой-то эвфемизм. Если это так, зачем Газданову потребовалось «трагестировать» национальность танцовщицы, не с тем ли, чтобы не был слишком явным намек на некоего женатого шпиона? Во втором номере журнала «Благонамеренный» за 1926 г. Эфрон поместил рассказ «Тыл», весьма критический по отношению к Добровольческой армии. Случайно ли, что там тоже фигурирует танцовщица? В этом же номере (журнал, кстати, выходил в Брюсселе; возможно, Эфрону было затруднительно печататься в Париже) помещено и стихотворение Марины Ивановны «Старинное благоговение» с применением: «Стихи, представленные на конкурс «Звена» и не удостоенные помещения». В 1926 г. это вызвало маленький скандал и было известно всему русскому литературному Парижу...

Фото из книги Ольги Орловой «Гайто Газданов» (М.: Молодая Гвардия, 2003, серия «ЖЗЛ»).

Шпион

Гайто Газданов
Худой высокий мери, на котором я проскакал четыре версты, был убит пулей, попавшей ему в голову, когда я сворачивал вправо, въезжая с вязкой, намокнувшей пахоты на твердую дорогу. Он рухнул на землю: я успел высвободить ноги из стремян, но, падая, сломал шпору. Когда через минуту я очнулся, я увидел лишь силуэты наших солдат, успевших уйти далеко. С проклятиями и ругательствами, прихрамывая на левую ногу, я пошел вслед за ними. И, пройдя несколько шагов, обернулся.

Всадник на громадной вороной лошади тяжело и медленно скакал за мной. Я увидел, как он забросил за спину винтовку и выдернул из ножен пашку. Он был один: за ним никто не следовал. Я вытащил револьвер, массивный параллелум, и когда всадника отделили от меня два десятка шагов, выстрелил: лошадь сразу дернулась в сторону и его сбросило с седла. Левая нога, запутавшаяся в стремях, мешала ему упасть. Я подошел к остановившемуся коню, снял человека и, положив его на землю, заглянул ему в лицо.

Под солдатским картузом с красной звездой на околыше я узнал Роберта, студента, с которым был знаком года два: он всегда отличался отчаянной храбростью и был за хорошего товарища. По национальности он был француз.

На горизонте появилось несколько конных. Ухватившись за луку седла, я последний раз посмотрел на Роберта. На губах его выступала кровь, он открыл глаза.

– Vous n'avez pas de chance, Robert! – сказал я, нагибаясь к нему. ***

Оборванные солдаты белой армии пересекали пространства южной России. Пьяные прапорщики пели, фальшивя, опереточные арии; кавалеристы, нахочившие кокаина, покачивались в седлах; проститутки и сутенеры, мародеры и коммерсанты шли по пятам наступающих.

В городе, занятом белыми, я снова встретил Роберта. Он был в форме казачьего офицера: веки его глаз покраснели и распухли. Он подошел ко мне.

– Я должен вас предупредить: моя служба у красных была мис-

сией, которую мне поручило мое начальство. Я вас предостерегаю от ложных выводов. Я думаю, мы будем считать этот инцидент исчерпанным. Я патриот, мы спасаем родину.

– Значит, вы выздоровели? – сказал я, подумав.

И в тот же вечер Роберт пришел в мою квартиру. Он был в штатском костюме и с фальшивой бородой; на правом виске его появился шрам. Горничной он сказал, что разыскивает дезертира Семенова.

Я вышел в переднюю и, повернув выключатель, сразу узнал Роберта. Горничная смотрела на нас с изумлением.

– Что это значит, Роберт? – спросил я по-французски.

– Вы общаетесь, – сказал он. – Вы принимаете меня за кого-то другого. Я не говорю по-французски. Я разыскиваю дезертира Семенова, я агент...

Входная дверь открылась, и оттуда выглянула чья-то голова в зеленой армейской фуражке. За ней показалась вторая. Роберт не кончил фразы и обернулся.

– Бросай, Васька, бомбу! – закричал отчаянный голос. – Черт с ним, пускай потолок завалится!

Горничная в ужасе шарахнулась в сторону. Роберт бросился к двери. В ту же секунду ахнул взрыв.

Мы остались невредимы: Роберт куда-то исчез. ***

Город Севастополь не так плох, в конце концов. В последний год гражданской войны там впервые появились беспризорные. Эта шайка, собранная со всех концов южной России, жила кражами, просила милостыню и питалась объедками.

Я заметил одного мальчишку, болеемышленного, чем остальные. Мне показалось, что раза два я видел его в городе – в чистом костюме, умытого и совсем не похожего на своих товарищей, ходивших в лохмотьях. Он наряды я издали видел, как он говорил с французским матросом: это меня удивило.

Как-то я вновь обратил внимание на его невысокую фигурку: на Приморском бульваре он подошел к англичанину, которого я сразу узнал, взглянув на его затылок. Это был Роберт.

– Вон того, в кепке, – сказал его голос. – Только адрес, больше ничего.

И Роберт прошел мимо меня, не улыбаясь и делая вид, что он меня не узнает.

Я его не остановил.

Другой раз в том же городе я снова встретил Роберта: он шагал по Нахимовскому проспекту: женщина в грубой нижней рубашке и босиком бежала вслед за ним. Через каждые пять секунд она выкрикивала «убийца» и высовывала Роберту язык. Он не оборачивался.

– Что такое? – спросил я товарища, с которым шел. – Кто она такая?

– Старуха слабо соображает, – презрительно ответил он. – Разве ты ее не узнаешь? Это севастопольская сумасшедшая, Феня. А он, этот субъект в английской форме, – шпион.

Прошло несколько лет, несколько летописей, свернувшихся в трубочки. Я видел эту неправдоподобность, сочетание строгости и хаоса, эту смену эффектов, цирк, где время жонглирует жи-

зису ваш акцент, хоть вы и француз. Россия не прошла безнаказанно для вашего французского языка. Во-вторых, черт возьми, Роберт, здесь нет ни одного шпиона, кроме вас. Вы можете спокойно говорить по-русски. Вы слишком привыкли к этой мнимой трагической роли человека, ежеминутно рискующего жизнью. Я держу пари, что за вашу голову никто не даст даже ста франков. Мне надоело вас узнавать, Роберт. Я бы повесился от скуки, если бы вся моя загадочность заключалась в фальшивой бороде, десятке костюмов, дождевых шрамов и поспешном знании трех языков.

– Я предпочитаю мою работу вашей, – ответил Роберт. – В пустое пространство, которое вы сделали из вашей жизни, вы вписываете десяток этюдов в иронической интерпретации. Вы не знаете опасности, вы не признаете фатальности. Вы не любите карт, так как не понимаете азарта. Вы ненавидите артистов, вы предпочитаете сумасшедших ремесленников. Вы не понимаете подвига... И если я вам скажу, что мое существование состоит из комбинации вдохновения и расчета, то вы мне, конечно, не поверите, потому что это вам органически чуждо, так же, как вам чуждо чувство родины, которой я служу, и войны, которой я отдал все мое время.

– Я подумал на досуге о философии дилетантов в шпионаже, – сказал я. – Это я вам обещаю. Сейчас же я хотел бы подчеркнуть, что я далек от мысли давать советы. Я хочу только напомнить вам, что военные выходят из моды. Мы живем в век штатских. Вам, героем с солдатских дубков и спасителем роины, мы сохраним места в пожарных командах. Voala mon vieux. Следующий раз я встречу вас, наверное, в Сингапуре, если вы радикально не переменили взглядов и вместо вашей хлопотливой и совершенно ненужной профессии не возьметесь за скромное ремесло репортера.

И я замолчал, медленно глотая кофе. Все-таки Роберт был мечтателем и посвящал свою жизнь опасности с такой же легкостью, с какой я посвящал бы рассказ кому-нибудь из знакомых.

И вдруг за одним из столбов я увидел накрашенную женщину в глубоком трауре. Кровь бросилась мне в лицо.

Граммфон продолжал греметь и сербка не прекращала свой дикий и глупый пляс – в этом ободранном проклятом притоне. И в первый раз в жизни, забыв о себе, о скользких, продажных кроватях, о холодной пропасти подвала, в котором я жил – в первый раз поняв, что столько печаль можно писать без кавычек, – я сказал этой женщине в трауре:

– Разве ты похоронила свою профессию, моя дорогая? Или ты

Сколько раз на мутных перекрестках Парижа от меня ускользал этот презрительный взгляд!

ищешь богатого клиента, падкого на оригинальность?

Я встретился с ее глазами. Сколько раз на мутных перекрестках Парижа от меня ускользал этот презрительный взгляд!

Я поднял тяжелые веки. В отчаянии я вспомнил о городе, в котором родился, о мертвом величии Петербурга.

Улыбающееся лицо Роберта вновь отутлилось на уровне моих глаз.

– Позвольте вас познакомиться, – сказал он. – Это Варвара Владимировна, моя жена. В России была буржушкой, здесь занимается шитьем.

– Вы испортили мне рассказ, Роберт.

И ей: – Будем знакомы, сударыня. *** Я вернулся домой. Мулат, живший в соседней комнате, оскакивая от усилия, играл на виолончели свои гаммы. ■